

ТАПОЧКИ
ДЛЯ
ИДЕАЛЬНОЙ
ЖЕНЩИНЫ

В ПОИСКАХ
МЕЧТЫ

Дмитрий Бирман

Почти счастливые люди

Дмитрий Бирман

Тапочки для идеальной женщины

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бирман Д. П.

Тапочки для идеальной женщины / Д. П. Бирман — «Эксмо»,
2026 — (Почти счастливые люди)

ISBN 978-5-04-250726-7

Он — успешный предприниматель из города на Волге, у которого все есть: семья, дети, дом, работа... Но за внешним благополучием скрываются усталость, одиночество и мучительный поиск той самой — идеальной женщины, способной понять и спасти его от одиночества. В попытке ее найти он снова и снова возвращается к воспоминаниям о своей молодости, любви, ошибках и потерях. Но мысли о прошлом дарят лишь сожаление о времени, которое уходит слишком быстро.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250726-7

© Бирман Д. П., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Тапочки для идеальной женщины (Роман в рассказах)	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дмитрий Бирман

Тапочки для идеальной женщины

© Бирман Д., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Ирочке Бирман посвящается...

Тапочки для идеальной женщины (Роман в рассказах)

...Он жил в городе, где Волга текла лениво, как мысли по утрам, когда жена ставила перед ним кофе и яичницу.

У него была жена, двое детей, дом и собака. Казалось бы, все, о чем можно мечтать.

Но он мечтал.

Он мечтал о Женине с большой буквы.

О той, что будет слушать его стихи, не морщась, и смотреть на звезды, не спрашивая: «Ты выключил газ?»

О той, что не скажет: «Опять ты пьяный!» – а просто принесет аспирин и воду.

И вот однажды...

Глава 1

Она была девушкой по вызову.

В свои двадцать пять лет успела стать призером Всероссийского танцевального конкурса, два раза выйти замуж и родить двух дочерей.

Мы познакомились банально, но забавно. Когда она распахнула входную дверь приватной сауны с криком: «Стоять! Бояться!» – мой школьный товарищ (а ныне вице-мэр) Миша Купонов поднял руки вверх, не сразу поняв, что прибыл эскорт-сервис и какое-то время он еще может побыть на свободе.

Она чем-то меня зацепила тогда. То ли необузданностью, то ли рассказом о том, что на панель пошла, чтобы покупать лекарство младшей дочке. У девочки была редкая болезнь, и медикаменты нужно было привозить из Германии.

Я, однако, не поверил ее рассказу. Чего только не наслушаешься от «спецконтингента», но каждая история будет вариацией на тему «если бы только была другая возможность, я никогда бы здесь не оказалась». При этом нынешние Сонечки Мармеладовы хорошо одеты, снимают квартиры в престижном районе города, а на встречи приезжают на хороших автомобилях.

Так случилось, что мои походы в сауну стали заканчиваться в ее объятиях.

В тот период моей жизни все пошло как-то наперекосяк. Проблемы в бизнесе, постоянное нервное напряжение, которое я снимал «Хеннесси», а главное – у меня было ощущение «тыла». Моя жена жила своей полугламурной жизнью, и ее не очень интересовали *мои*, как она считала, проблемы, хотя с удовольствием тратила *наши*, как она считала, деньги.

Как-то вечером, когда особенно не хотелось возвращаться домой, я снял номер в гостинице и вызвал свою подружку.

Безусловно, она была с легкой сумасшедшинкой в неокрепших мозгах.

– Ты мне очень нравишься, – сказала она, отстранив от меня свое тренированное тело.

– Конечно, – ответил я. – Не пьяный, не вонючий, деньги отдаю по-честному, в общем, приличный человек.

– Нет, дело не в этом, – она подняла вверх свою стройную ногу и сделала какое-то па. – Ты... как бы это объяснить... ты банан!

– Это твой любимый фрукт?

– Терпеть не могу бананы! – резко выдохнула она мне в лицо.

– Забавно! – сказал я, подумав, что сумасшествие заразно и надо валить.

– Ну, милый... – Тут я подумал, какому же количеству мужчин она говорила это слово! – Понимаешь, я не люблю бананы, но обожаю все банановое! Мыло, жвачку, йогурт, просто запах, понимаешь?

– Ага! – сказал я и потянулся к полотенцу, чтобы пойти в душ.

– Господи, ну как тебе объяснить! – Она села на кровати, и соски ее не увядших после родов грудей, как два ствола, нацелились в мою голову. – Я же не могу позволить себе влюбиться в клиента! Я должна ровно относиться к нему, ну, как к фаллоимитатору! Да еще нужно изображать эмоции, чтобы клиент остался доволен.

Я заворуженно смотрел на ее соски, ожидая пули.

– Я с тобой седьмой раз. – Она улыбнулась и стала похожа на жену, которая растолковывает туповатому мужу банальные вещи, пока дети еще спят. – И мне *неправильно* хорошо с тобой. Я не могу любить тебя, но наслаждаюсь твоим голосом, запахом... – Она уткнулась лицом мне в грудь. Ее рыжие волосы, от которых пахло летом и солнцем, были мягкими и... домашними. Я представил, как играет эта волнистая медь, пропуская через себя солнечные лучи, когда она расчесывает волосы, стоя у окна...

Что я мог ей ответить? Что мне тоже хорошо с ней, и она каким-то невероятным, неправильным образом дает мне то, чего я не могу получить дома? Что после второй встречи я неожиданно для самого себя подумал, что если бы она не была «девушкой по вызову», то может быть... Что я не представляю себе, как женщина может сохранить здоровую психику после хотя бы полугода пребывания в ее профессии? Что все же сумасшествие заразно и мне очень хочется взять ее за руку, и увести, и защитить от нее самой?! Но герой известной повести Куприна «Яма» сто лет тому назад уже делал подобную попытку, которая завершилась полным фиаско.

Я лежал на спине и, когда она подняла голову, стал рассматривать ее глаза, которые, как мне казалось, были разного цвета, из-за того, что часть ее волос была распущена и волной спускалась вниз, щекой касаясь моей груди, а другая убрана наверх и заправлена за ухо.

– А ты вообще-то ела бананы? – спросил я ее.

Темный глаз превратился в Марианскую впадину. Она сморщила нос:

– Как можно есть эту скользкую гадость?! Они сначала похожи на опарышей, а потом темнеют и покрываются пятнами!

– А запах нравится, да? – спросил я с ироничной улыбкой, пытаясь выкинуть из головы мерзкий образ, возникший после ее слов.

Светлый глаз стал прозрачно голубым и начал светиться.

– О да, милый! – она погладила меня по щеке прохладной ладонью. – Это же запах свободы!

– Вот как? – Я усмехнулся. – Почему?

– Ну, это же так просто! – Она тесно прижалась к моему плечу своим горячим плечом. – Они похожи на месяц, который в темной ночи светит тем, о ком забыл Бог, и пахнут звездным ветром. Ты веришь в Бога?

– Тебе нравится наш президент? – ответил я вопросом на вопрос.

Она промолчала, выразительно облизнув языком умеющие все губы.

– На что же надеешься ты, милая? – слово «милая» я произнес вразяжку.

Она приподнялась на локте, ее глаза стали моего любимого цвета «нави». Мне очень нравятся машины такого цвета, правда у нас в техническом паспорте почему-то пишут «темно-синий».

– А давай уедем куда-нибудь на пару дней? Уедем в Москву! А деньги ты мне только за одни сутки заплатишь. – Она на минуту затихла.

Я почувствовал: она задрожала, потом услышал, как она всхлипывает.

– Я не могу без денег, милый! – шептала она. – Мне надо лекарства для дочери покупать. – Слезы, стекая по ее щекам, капали на мое плечо. – Ну, скажи мне что-нибудь, скажи!

Я сказал. Я говорил ей, какая она хорошая, гладил по голове и что-то (увы!) обещал. Она успокоилась и задремала... Я быстро принял душ и тихо выскользнул из гостиничного номера...

Больше я ее никогда не видел. И, кстати, с тех пор не ем бананы.

Глава 2

– Проснись! – Колян тормошил меня за плечо и заглядывал в глаза. – В субботу все девки – наши!

Общага гудела. Еще бы! В субботу на первом этаже должен открыться студенческий бар.

– Слыхал? – Принес эту новость в наш двухкоечный «люкс» Колян Треухов. – Гульбаним! Только имей в виду, «комсомольский бог» сказал, что нам надо пару миниатюр подготовить для показа.

Я пытался проснуться. Помните, в «Трех мушкетерах», когда Атос пришел к д'Артаньяну и перешагнул через Планше, спящего у порога? Читатель может подумать, что было раннее утро. Нет, просто, когда Планше обратился к хозяину с просьбой дать ему деньги на покупку еды, д'Артаньян ответил: «Кто спит, тот обедает!»

Я вспомнил про золотые слова мушкетера, когда размышлял о том, что делать, когда деньги закончились, а трехлитровой банкой огурцов (даже если их солила мама) сыт не будешь. Я решил проспать до понедельника, а в понедельник, получив стипендию, поесть. Учитывая, что была среда, планы мои становились полной утопией.

– Жрачка будет? – хрипло спросил я у Треухова, открыв один глаз.

– А то! – Колян мечтательно закатил глаза. – Для нас отдельный столик! Салат, горячее и пирожное на десерт.

Окончательно проснувшись, я сел на кровати, пристально посмотрел на партнера по сцене и спросил:

– А выпивка?

– С бухлом хуже – коктейли. За отдельную плату.

– Ну, тогда возьмем пузырь да и выпьем на двоих! Я у Семы займу четыре рубля до стипендии.

– Сема не даст!

Мы смотрели друг на друга. Две песчинки в пустыне Общества Развитого Социализма. Два одиночества, которые встретились в общаге строительного института, чтобы, сложив ежемесячные картошку и сало, которые присылали его родители, с соленьями и десятью рублями от моих и прибавив к ним стипендию Коляна, тянуть месяц за месяцем наше студенчество.

Мы с легкостью проскочили те непростые времена благодаря веселому нраву, оптимизму, который (от безысходности) мы черпали друг в друге. На первом курсе мы «записались» в СТЭМ (студенческий театр эстрадных миниатюр). Выступали на всех мероприятиях нашего факультета, став к третьему курсу авторами и исполнителями собственной программы. «Сценическая» известность делала нас желанными гостями на студенческих вечеринках в общежитии института и сопровождалась не только дополнительным питанием, но и популярностью у представительниц прекрасного пола. Единственная проблема, которая у нас возникала, – кому гулять и терпеть, а кому наслаждаться в нашей двухкоечной комнатенке.

У однокурсников, которым посчастливилось родиться в городе и жить вместе с родителями, проблем с тем, где найти место «для нежных встреч», было намного меньше. Да и питались они, в отличие от нас, минимум три раза в день. Но! Как здорово гудела общага в праздники! Звукам, временами доносившимся из комнат, могли бы позавидовать актрисы (неведомых нам тогда) порнофильмов.

Смотрим мы друг на друга, и тут Колян поднимает вверх указательный палец:

– Реквизит!

– Какой реквизит, Николя?

– Помнишь миниатюру про председателя сельсовета?

– Помню, конечно!

– Ну, так там же к нему с бутылкой приходят!

– И че?

– Не «че», чекало! – Коляна, интеллигента из Ленинграда, раздражало «че» жителя Горьковской области. – Нам нужна бутылка для реквизита!

– Да ладно! Вован скажет: «Воды налейте!»

Вован – это секретарь комитета комсомола нашего факультета Вова Самсонов. Вован учился на пятом курсе, до четвертого принимал участие в СТЭМе и был на особом положении – отдельная комната с душем и туалетом, которая находилась рядом с красным уголком. Вован жил королем, меняя девчонок как перчатки. Кроме того, Самсонов курировал оформление студенческого бара и отвечал за его открытие.

– Ха! – Колян широко улыбнулся и опять поднял вверх указательный палец. – А правда жизни?! Хватит выходить на сцену с бутылкой, наполненной водой! Хватит затыкать ее бумагой! Вот так я понимаю соцреализм!

– Точно! – подхватил я. – Вовану скажем, что после выступления вернем, а там уж как получится.

– Кто пойдет с ним договариваться? – обреченно глядя на меня, спросил начинающий фармазон.

– Мой друг! – покровительственно молвил я. – Так как перед тобой автор миниатюры, иди тебе, Николая!

Колян тяжело вздохнул и, не сказав ни слова, вышел из комнаты, решительно хлопнув дверью.

Самсонов послал Коляна куда подальше, вместе с его правдой жизни и соцреализмом. Тогда, рискуя впасть в немилость к «комсомольскому богу», мой друг посуровел лицом и жестко сказал:

– Мы выступать, Владимир Сергеевич, не станем!

У Вована отвисла губа, он покраснел от подобной наглости, но вспомнил, что больше некому субботним вечером развлекать уже приглашенных гостей. Самсонов, обладавший редким чутьем и коммерческой жилкой (через семь лет он откроет первый в нашем городе частный банк), быстро подсчитал, что бутылка водки обойдется дешевле, чем поиск других артистов разговорного жанра.

Мы с Треуховым были беспроблемным и проверенным вариантом. Вован сменил гнев на милость:

– Хрен с вами! После выступления вернете!

– Конечно, – Колян смотрел на него чистым открытым взглядом. – Только по рюмочке, в сценическом, так сказать, процессе примем, – и, пока Самсонов шумно вдыхал воздух, чтобы наорать на наглеца, добавил: – К нам родители приедут, дай-ка четыре пригласительных.

– Вот это хорошо! – расслабился Вован. – Родители вам не дадут пьянствовать!

Через час мой подельник, тут же загнавший пригласительные билеты по два рубля за штуку, пинком открыл дверь в нашу комнату. Его руки были заняты авоськами с едой.

Удивительный, волшебный запах стал обволакивать все вокруг. Я вожаделенно вдыхал его и был счастлив оттого, что мои грезы о недалеком будущем (точнее, о следующем понедельнике) воплотились в реальность. Еще через полчаса, обжигаясь и чавкая, мы ели ложками пельмени, которые, безусловно, были придуманы гениальным человеком.

Время до пятницы пролетело быстро и сытно, а в пятницу вечером к нам пришел ну очень серьезный Самсонов, сурово посмотрел в наши глаза, осоловевшие от усиленного питания, и спросил:

– Готовы?

– К чему? – процедил я.

– Всегда готовы! – бодро ответил Колян.

– Мать вашу! – Вован сорвался на крик. – Завтра ректор, наш декан, секретарь парторганизации будут сидеть за первым столиком! Если вы, клоуны, их не развеселите, то обещаю неприятности!

– Простите, товарищ, – прошипел Колян, – вы кого клоунами назвали?

Пока Колян давал удава Каа из любимого всей страной мультфильма «Маугли», я встал у двери, за спиной у Вована.

Самсонов вспотел. Его затылок, в который я уперся многозначительным взглядом, буквально излучал испуг.

– Мы из тебя сейчас клоуна сделаем, сучонок, – продолжая шипеть, Треухов прихватил нос Вована большим и указательным пальцами, сжал и начал поворачивать по часовой стрелке.

– А-а-а-а! – заверещал Вован и подался назад, тут же наткнувшись на карандаш, которым я уперся ему в спину.

– Пристрелить гада? – спросил я Коляна задорным голосом молодого революционера.

– Вы что, пацаны! – Самсонов бухнулся на колени, и это спасло его нос от полного расплющивания. – Не то сказал, извините! – заголосил он.

– Кончай его! – жестко отрубил Колян.

– Знаешь «Отче наш»? – проорал я в ухо комсомольскому вожаку.

– Проси прощенья! – выкрикнул Колян.

Вован поднялся, сел на мою кровать, всхлипывая и вытирая кровотокащий, распухший красный нос, начал бормотать:

– Дураки... я пошутил... а вы... больно же... я вам реквизит принес... дураки...

Слово «реквизит» возымело магическое действие.

Так как Самсонов пришел без портфеля, я нежно приобнял его, распахнул полы модного в тот сезон свободного двубортного пиджака, из внутреннего кармана которого Колян точным движением извлек бутылку водки.

Потом я гладил Вована по буйной комсомольской голове, а Треухов делал ему щедрый бутерброд с докторской колбасой. Щедрый, потому что, прежде чем положить на хлеб излишне, как мне тогда казалось, толстый кусок колбасы, он еще намазал масло.

– Ты ваще! – сказал я. Немного подумав, махнул рукой и положил в стакан с чаем, услужливо приготовленный Коляном для Самсонова, аж три ложки сахарного песка.

Мы стали мирно пить чай, обсуждая, что же лучше приложить к носу, чтобы к завтрашнему дню он не был распухшим и красным.

Когда дверь за нашим дорогим гостем закрылась, Колян внимательно посмотрел на меня.

– Нет! – Я взял драгоценную бутылку и положил себе под подушку. – Завтра!

– Ну зачем завтра, – заканючил Колян, – завтра воды нальем и бумажкой заткнем!

– А реализм, Николая? Мы – артисты! Завтра придут люди, а ты – с похмелья?!

– Побойся бога! – Колян растерянно смотрел на меня. – Какое похмелье с одной на двоих?!

– Завтра, друг мой, завтра, – я зевнул и выключил в комнате свет.

Тяжело посапывая, мой друг разделся и улегся на свою кровать, панцирная сетка которой жалобно скрипнула. Я тоже не пошел умыться, лег на свою, не менее скрипучую, терпеливо дождался, когда Колян захрапит, удостоверился, что он не притворяется, засунул руки под подушку, положив их на желанную бутылку, и только после этого забылся беспокойным сном.

Складывалось впечатление, что на открытие бара собрался весь институт: толпа на входе в общежитие, забитый страждущими холл первого этажа, гордые лица счастливых обладателей входных билетов.

В маленьком подсобном помещении организовали комнату для «артистов», поставив туда три стула и металлическую вешалку. Мы с Коляном толкались около двери, потому что нам переодеться было не нужно – на нас были изрядно мятые костюмы и довольно свежие (постиранные и поглаженные пару дней назад) рубашки. В наших глазах горел огонь вдохновения, сердца бились в унисон вибрациям зрительного зала, который мы еще не видели, но уже чувствовали.

После того как Надя – звезда институтской самодеятельности – спела «Ой, цветет калина в поле у ручья...», раздался шквал аплодисментов. Настала наша очередь.

– Дорогие друзья! – начал я непринужденно. – Сегодня мы покажем вам несколько миниатюр из замечательной и насыщенной студенческой жизни!

Я ощупал глазами зал. За первым столиком сидели: ректор Виктор Сергеевич Землянкин, секретарь парткома Татьяна Павловна Виноградова, председатель профкома Елена Кузьминична Белецкая и декан нашего факультета – упитанный Георгий Яковлевич Пинский. Мне сразу стало душно, но их одобрительные взгляды приободрили меня, и я, неожиданно для себя самого, закончил свое яркое вступительное слово:

– Мы – артисты! А место артистов, как известно, в буфете! Сегодня в вашем буфете искрометный Николя и неподражаемый я! Встречайте!

Повернувшись к Коляну, я наткнулся на его удивленный взгляд, а мое ухо уловило тихий девичий шепот:

– Как зовут этого красавчика?

Мы исполняли наши миниатюры эмоционально и ярко. Зрители хлопали, смеялись, замирали – в общем, шли за нами в светлый мир художественной самодеятельности. Учитывая то, что сидели они за накрытыми столами, выступление сопровождалось чавканьем и звоном бокалов.

Последняя миниатюра называлась «На картошке». Смысл ее заключался в том, что старший группы студентов, которых в те времена традиционно отправляли на картошку в начале сентября, пришел к председателю сельсовета, чтобы договориться о дополнительном питании. Конечно, председатель кричал, что у него нет сметы на дополнительное питание, фонды исчерпаны, а лимиты закончились, но после того, как старший группы доставал бутылку, разговор приобретал другую тональность. Фишка была в том, что, наливая (по чуть-чуть) и выпивая (одну за другой), эти товарищи начинали заговариваться и нести всякую чепуху.

В общем, детали здесь не имеют значения.

Когда я (в образе старшего группы) достал бутылку водки из внутреннего кармана своего пиджака и уверенным движением открыл пробку, зал затих.

– Вода! – Мы не отреагировали на реплику.

Я разлил в наши стаканы «по чуть-чуть», и мы дружно выпили, натурально сморщившись. Дело в том, что закуски-то у нас под рукой не было! Да и по логике миниатюры – какая закуска могла быть в кабинете председателя сельсовета?!

В тишине, а потом нарастающем шепоте спорящих о том, настоящая водка или нет, мы продолжали играть-наливать-выпивать. Быть может, все бы обошлось, но... запах. Постепенно водочный дух достиг первого столика. Ректор, декан и председатель профкома сами уже прилично глотнули, а вот непьющая секретарь парткома Татьяна Павловна Виноградова принюхалась и от удивления широко раскрыла глаза.

Татьяна Павловна была женщиной интеллигентной и очень образованной. Совершенно непонятно, как она стала секретарем партийной организации нашего института. Ко мне она относилась очень хорошо, потому что ко всем праздникам я писал стихи в нашу институтскую газету. Типа:

Реет знамя труда и победы,
Шаг ровнее и ряд не теряй!
Во всех странах, нарядно одеты,
Мы встречаем сейчас Первомай!

Вот рабочий, вот врач и учитель
Дружно в ногу идут, как всегда!
Наш народ, ты в веках победитель!
Лучше всех ты, родная страна!

На трибунах – вожди, мы их любим,
Ведь они нам желают добра!
Солидарность, как Гимн, не забудем!
Расцветай ты, родная страна!

Почувствовав запах настоящей водки, которую мы пили, как воду, без закуски, Татьяна Павловна замерла. Как теперь принято говорить, она была в шоке.

Быстро распространяясь, запах дошел и до других столиков. Мы закончили под дружный хохот и гром аплодисментов. Бутылка была пуста. Мы раскланялись. Под крики «Браво!» ведущий вечера проводил нас к свободному столику и объявил антракт.

Мы были в центре внимания. Нас хлопали по плечам, что-то говорили, смеялись. Усевшись за стол, я начал быстро есть салат, потому что алкоголь стал подниматься теплой волной из пустого желудка к голове, а финал этого процесса, как всегда, было трудно предугадать.

– Как же так? – Татьяна Павловна стояла напротив нашего столика и качала головой. – Как вы могли!

Она махнула рукой и ушла в сгущавшийся вокруг меня туман.

– Как тебя зовут? – прошептали мне в ухо.

Я повернул голову, сфокусировал расплывающуюся картинку и увидел милое личико с большими серыми (слегка затуманенными алкоголем) глазами, которые призывно смотрели на меня.

Дальнейшее я помню эпизодично, как будто кто-то включал ненадолго телевизор, а потом выключал...

Щелк! Громко играет «Queen». Я обнимаю за плечи незнакомку и прошу у Вована ключ от его комнаты. Самсонов орет мне на ухо: «Да пошел ты!» – и сует в нос кукиш. Я вижу, что он еле стоит на ногах, упираясь руками в стол, за которым уже кто-то спит.

Щелк! Колян сует мне в руку ключ от красного уголка, держась за стул, чтобы не упасть.

Щелк! Я закрываю изнутри дверь и пытаюсь осмотреться. Девушка с потемневшими от желания глазами стоит у стены. В пустой комнате нет ни столов, ни стульев (все вынесли в бар). В углу, в специальной подставке стоит красное с золотом знамя института, святыня, на которую недавно первый секретарь обкома партии прикрепил орден Ленина.

Когда я проснулся от головной боли в затылке, за окном было светло. Рядом сладко сопела очаровательная незнакомка. Наши обнаженные и, скорее всего, согревшиеся тела удобно расположились на... красном с золотом знамени института, расстеленном на полу.

«Суд. Приговор. Высшая мера» – пронеслось в моем оживающем мозгу, и я попробовал встать. С третьей попытки мне это удалось. Дрожащие (то ли от страха, то ли с похмелья) руки не слушались, я с трудом оделся. Стараясь не шуметь, я начал будить мою потенциальную сокамерницу, которая в ответ стала меня пинать.

Я взял блузку девушки, имени которой я не помнил (а может быть, и не знал), и накрыл ее лицо. Когда прекрасная фея сдернула блузку с лица, открыла глаза и судорожно вдохнула, я зажал ей ладонью рот, чтобы она не разбудила криком всю общагу, и горячо зашептал:

– Тихо, тихо, милая. Ты такая замечательная, нежная и удивительная. Мне было так хорошо с тобой. Я влюбился. Только сейчас нам надо одеться и уйти.

Она быстро-быстро закивала головой, и я понял, что мой горячий шепот воспринят.

Я нежно поднял с пола мою неожиданную любовь, и, несмотря на вновь возникшее желание, стал одевать ее. Когда она, включившись в процесс, начала самостоятельно застегивать блузку, я метнулся к знамени и принялся лихорадочно его сворачивать. Водрузив святыню на место, я схватил за руку полуодетую девушку, и мы пулей вылетели из красного уголка.

Все закончилось благополучно.

Правда, потом, когда на торжественных мероприятиях, проходивших в актовом зале нашего института, выносили знамя, мне становилось немного не по себе. Я поднимался вместе со всеми, чувствуя, как мои щеки горят, а кровь толчками пульсирует в венах. Сердце рвалось из груди, глаза блестели, а стоящие рядом завидовали такому патристическому рвению. Не мигая, смотрел я на институтскую святыню, мечтая только о том, чтобы никто не заметил эрекцию, которую я аккуратно прикрывал опущенными вниз руками.

Глава 3

«Мужчина и женщина» – чужой фильм моего детства. Черно-белый, но главная (постельная) сцена в цвете и страсти. Красивые лица на фоне Французской Ривьеры, красивые машины, красивая одежда, красивая жизнь.

Другие мужчина и женщина, в нашем новом российском кино, развешивали свежестыранное белье на веревку. Это была бельевая веревка из моего детства, из моего двора. Папа привязывал ее между деревьями, а когда мама приносила выстиранное белье, он брал «специальную палку», одним концом которой поднимал веревку, а другой упирал в землю, чтобы оно сохло на высоте, недоступной мячам и маленьким детям. Лет с четырнадцати установку «специальной палки» стали доверять мне.

В новом российском фильме мужчина держал таз, а женщина расправляла белье, предварительно встряхивая, а потом цепляла к веревке деревянными прищепками. Такую прищепку мы приматывали изолентой сверху длинной дощечки, а снизу, гвоздиком, крепили резинку от трусов, делая из нее короткую петлю. В петлю вкладывалась вишневая косточка (а в специальных случаях и металлический шарик от подшипника), резинка натягивалась и зажималась в прищепке. Легким нажатием большого пальца оружие выплевывало снаряд по предназначенному адресу.

Почему я вспомнил тот французский фильм о чужой и ненастоящей жизни? Может быть, потому, что через неделю после того, как мы посмотрели его, папа собрал вещи и ушел к тетеньке из соседнего дома? Вскоре он вернулся, и мама приняла его.

Сколько раз потом в Ницце или Каннах я приходил на песчаный пляж, смотрел на море и... мысленно возвращался в наш двор, к веселому папе и молодой маме.

В нашем новом российском кино, тоже о ненастоящей жизни, мужчина (много хуже моего папы) и женщина (отдаленно похожая на маму) вели напряженный разговор.

Он приехал, после того как три года где-то лечился от алкогольной зависимости (я представил себе, как рыдает Клод Лелюш, автор того, французского фильма).

Она одна растила их сына и (надо же!) встретила мужчину практически своей мечты. Вернувшийся говорил, что сыну нужен родной отец, женщина не могла простить ему побои. Он говорил, что вылечился и не пьет, а она, бросив развешивать белье, подносила ему полный стакан водки и ласково так (сука!) говорила: «Может, выпьем за встречу?»

Чем меня зацепила эта хрень? Тем, что и этот папа все же вернулся, захотев остаться с сыном? Тем, что я задумал в то время побег от самого себя в безумной попытке найти настоящие чувства? Любить и быть любимым. Не обманывать и не обманываться. Начать сначала, уже зная, где можно ошибиться.

Я мчался по жизни, как тот французский гонщик, надеясь попасть в ту, черно-белую постельную сцену, мечтая испытать что-то неведомое.

Увы, друзья, побег не удался. От самого себя можно убежать только в фильм своего детства, странный и непонятный, красивый и чужой...

Мужчина и Женщина...

Глава 4

14 августа 1975 года случилось два события: моя мама отпраздновала свое пятидесятилетие, а я лишился невинности.

Родители решили отметить мамин юбилей путешествием по Волге. Мне, обалдую, эта их придумка была влом. Торчать на старой, сто раз перекрашенной посудине (с пенсионерами в соседних каютах), слушать умные речи родителей и таскаться каждый день на экскурсии мне не хотелось.

Однако юбилей есть юбилей, и я, с видом приговоренного к пожизненному заключению, поднялся по трапу на палубу «лайнера» с гордым названием «Покорение Сибири». Какое отношение Волга или Ока, на слиянии которых возвышается Нижегородский кремль, имели к Сибири – было непонятно. Но теплоход был комфортабельным и очень нравился маме.

Мы заселились в каюту «люкс» (папа «психанул!»), которая состояла из двух комнат и душевой с туалетом. По тем временам это было круто. Мама спросила:

– Ой, Петя, сколько же все это стоит?

Папа промолчал, шмыгнув носом.

Пока они разбирали вещи, я вышел на палубу. Темно-коричневая вода за бортом вызывала ощущение тоски, но радужные разводы отработанного топлива немного оживляли картину. Вся моя жизнь в городе на Волге будет такой же переливчато-размытой. Я, как водолаз, буду искать жемчуг. Там, где его нет.

Люди радостно поднимались на борт. Впереди две недели сладкого безделья и призы: астраханская вобла, помидоры, арбузы. Мое внимание привлекла одна женщина с двумя сыновьями. Младший, лет шести, бегал по палубе туда-сюда, а вот старший... Старший был пострижен наголо. Темные очки закрывали пол-лица. Мама что-то шептала ему на ухо, гладила по плечу, а потом протянула на ладони таблетку, которую он слизнул ярко-красным языком.

– Умница, Андрюша! – женщина поцеловала его в щеку.

Легкой походкой она пошла посмотреть, куда убежал ее младший. Андрюша, повернувшись в мою сторону, снял очки. Его возраст было сложно определить, а вот лицо показалось мне знакомым. Я уже встречал людей, похожих на Андрюшу.

– Мама, а почему у этой девочки такое лицо? – спросил я однажды.

– Это называется синдром Дауна, – мама вздохнула. – Есть такая болезнь, сынок.

– А когда она выздоровеет?

– Не скоро.

Я помахал Андрюше рукой и крикнул:

– Привет!

Он внимательно посмотрел на меня, ничего не ответив, и отвернулся.

Зазвучал марш «Прощание славянки», были отданы швартовы, теплоход быстро отдалялся от берега, отделив грустно-завистливые выражения лиц (у провожающих) от торжествующих (у отъезжающих).

Наступило время обеда. В те голодные для российской провинции годы, когда из Москвы и Ленинграда везли сосиски, шоколадные конфеты, сгущенку и т. д., в корабельных ресторанах кормили очень неплохо.

За столом на четверых человек рядом с нами оказалась чистенькая бабушка, лет эдак под сто (на самом деле ей было семьдесят четыре). Удобно устроившись на стуле, она кивнула головой:

– Добрый день! Давайте знакомиться. Меня зовут Екатерина Сергеевна.

Бабка была прикольная – светлый брючный костюм, косыночка на шее, яркие губы и маникюр. И голос диктора Центрального телевидения. Пока я разглядывал интересную

соседку, а папа представлял нас «бабе Кате», как мысленно я ее окрестил, рядом разгорался скандал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.